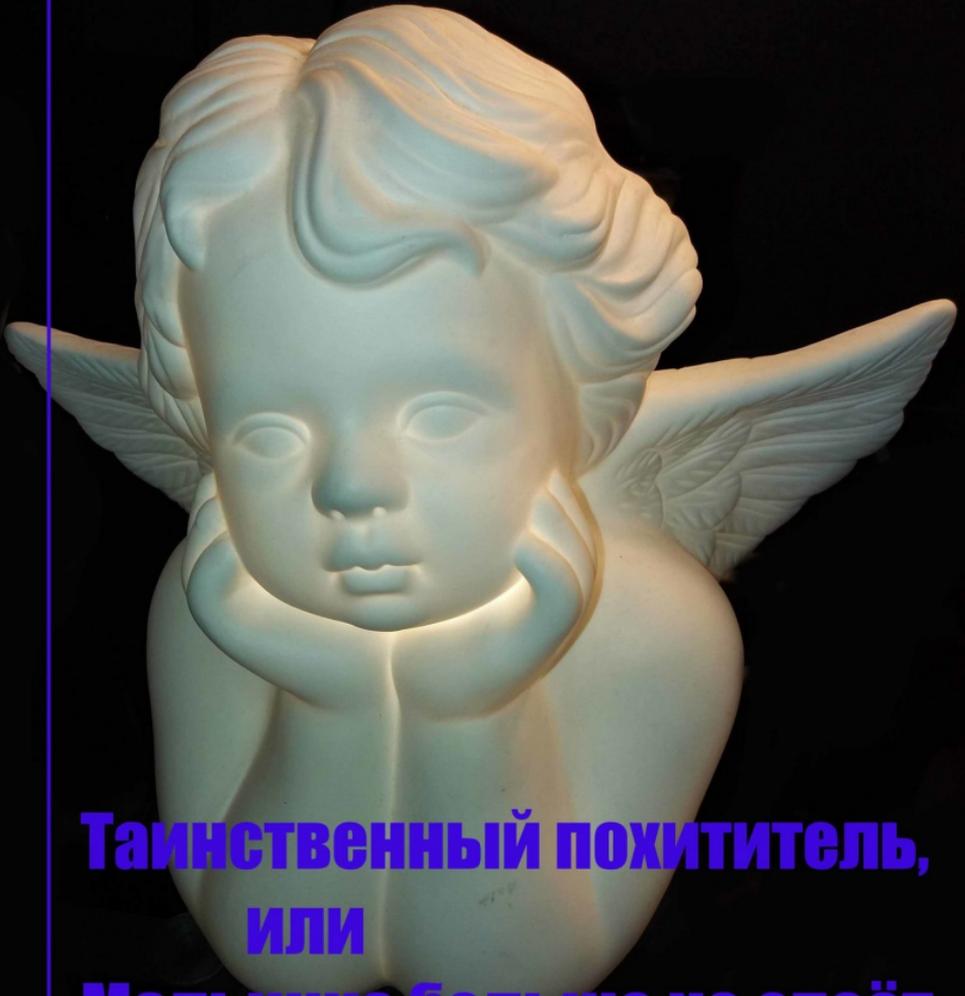

Инна Балтийская

**Таинственный похититель,
или
Малышка больше не споёт**

Инна Балтийская

Таинственный похититель, или Малышка больше не сплет

Текст предоставлен правообладателем

Аннотация

Маленькую Жанну, победительницу песенных конкурсов, похитили из собственной спальни. На кухне лежала записка с требованием выкупа, но девочка к тому времени была уже мертва. Родного дома она не покидала – тело обнаружили в подвале. Кто виноват – странно ведущие себя родители, или маньяк, пробравшийся в их дом?

Содержание

Глава 1. 2009 год, 30 декабря. Похищение	4
Глава 2. 10 лет спустя. Двойной дефолт	19
Глава 3. 2009 год, 31 декабря. Выкуп, которого не было	30
Глава 4. 10 лет спустя. Подаю на развод	40
Глава 5. 2009 год. 31 декабря. Инсценировка?	49
Глава 6. 10 лет спустя. Змеиный поцелуй	58
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Инна Балтийская

Таинственный похититель, или Малышка больше не поет

Все совпадения случайны

Глава 1. 2009 год, 30 декабря. Похищение

Наталья металась по спальне, размышляя, где же заранее приготовленный маскарадный наряд. Ее мобильный постоянно звонил – то муж интересовался, когда же она соизволит спуститься, то поздравляли с Новым годом подруги, потерявшиеся из виду много лет назад. Она уже хотела сообщить мужу, чтобы брал дочку и ехал сам, но тут королевское платье из зеленой тафты, с кружевами ручной выделки, внезапно обнаружилось. Оно просто завалилось за высокую спинку кресла, стоящего возле мраморного трюмо, и как-то так ловко слилось с парчовой обивкой, что увидеть кружевную пену можно было лишь с определенного ракурса. Наталья резко потянула за край, потом испугалась, что оторвет

тонкий волан, и осторожно ухватилась за подол платья обеими руками.

Ей удалось обойтись без потерь, правда, за кружева зацепился недавно купленный еженедельник в толстой кожаной обложке. Наталья аккуратно отцепила его, мимолетно удивившись – вроде, еще утром он выглядел куда толще. У нее была привычка выдирать из еженедельников заполненные листы, но ведь год еще не начался. Она аккуратно вернула толстенный блокнот на мраморную поверхность, вновь мимолетно улыбнувшись солидному виду тисненной кожаной с золотом обложки. Несмотря на семь лет проживания в собственном доме в элитном поселке, собственный Гелендваген, бриллианты на шее и дорогие наряды, ее все еще радовали мелочи типа красивой записной книжки или необычных елочных игрушек. И так же, как уникальному жемчужному ожерелью, подаренному мужем к Новому году, она радовалась и этой толстой книжице, когда с нажимом выводила тушью на первой странице свое имя: “Наталья Ремизова”. Она мимоходом раскрыла блокнот – имя сверкало люминесцентным неоновым светом, но ей снова показалось, что часть листов куда-то испарилось. Правда, размышлять о странно похудании блокнота ей было некогда. Она торопливо надела платье, и, так и не справившись с молнией на спине, спустилась по винтовой лестнице вниз, на первый этаж...

Ее красавица дочка в длинном платье с кринолином полулежала в огромной бархатном кресле, крутя в руке малень-

кое зеркальце, пускающее солнечные зайчики на отполированный паркет, блестящий масляным светом. Один лучик резанул по глазам, Наталья зажмурилась, и в голове вдруг четко прозвучал тихий мужской голос: “Аннушка уже разлила масло”. Она слегка споткнулась, ухватилась за перила и потрясла головой, пытаясь вспомнить, откуда эта фраза. Кажется, из какого-то спектакля, где она репетировала, но так и не сыграла... Но вспомнить в тот вечер ей не удалось.

Дочка вскочила и кинулась ей навстречу:

– Мамочка, ты настоящая большая Принцесса! Ты кто, Золушка?

– Да, только до приезда Феи. – нервно отреагировала Наталья. – Петя, застегни молнию! Я ее чуть не порвала! Жанна, ну не прыгай на меня, порвешь же подол!

Впоследствии она не раз вспомнит этот суматошный день, и больше всего пожалеет о том, что не осталась тогда дома. Если бы она не нашла или порвала платье... если бы психанула и никуда не поехала... если бы обратила внимание на подозрительно исхудавший блокнот – изменилось бы то, что произошло впоследствии? Она не находила ответа. Иногда бессонными ночами она думала, что все бы изменилось... но в голове снова звучал незнакомый мужской голос, равнодушно сообщающий о неотвратимости судьбы.

В тот вечер она посмотрела на часы – всего половина шестого, они почти и не опоздали – и успокоилась довольно быстро. К дому подъехал лимузин, который муж использо-

вал только в редких случаях, когда надо было пустить пыль в глаза. Шофер, по совместительству курьер, подкатил машину прямо к мраморным ступенькам крыльца, лениво вышел из машины и открыл дверь перед женой и дочерью шефа. Маленькая Жанна долго загрузалась на заднее сиденье, пытаясь не наступить на край платья, Наталья сначала помогала ей, потом так же долго усаживалась сама. Потихоньку пошел мягкий снег, крупные хлопья лениво кружились в свете фар, падали на кружева, и Наталья испугалась, что сейчас ее платье превратится в тыкву, то есть в мокрую тряпку, и она приедет на бал как Золушка, но до превращения в принцессу. Петр между тем запер входную дверь, сел на сидение рядом с шофером и с некоторым раздражением смотрел на жену – ну что за копуша! Когда мотор уже завели, Наталья подумала, что надо бы включить сигнализацию, но поглядела на упрямо опущенную голову мужа и передумала. Опять он скажет что она параноик, что им некого бояться в закрытом загородном поселке, где окруженные высоченными заборами особняки охраняются, как банковские сейфы. И правда, на въезде в их поселок дежурила тройка мордоротов, и с полуночи по поселку каждые десять-двадцать минут проезжала патрульная машина. Ограблений не случилось за все шесть лет, которые она тут прожила. Так почему же ей вдруг захотелось выскочить из машины и броситься обратно в оставшийся без охраны дом? Параноик она, прав Петя. Она вздохнула и погрузилась в мысли об очередном

песенном конкурсе, куда собиралась отправить Жанну.

Эти конкурсы тоже вызывали раздражение мужа, но для Натальи они были глотком воздуха в вакууме закрытого поселка. Когда-то она хотела стать актрисой. Ей удалось поступить в московское театральное училище, но уже на втором курсе начались разговоры об отчислении. Говорили, что ей чего-то не хватает... Не то выразительности в голосе, не то пластики – но на сцене она не смотрелась. Вдобавок, оказалось, что у нее некиногеничная внешность – то есть довольно привлекательная в жизни русоволосая блондинка с правильными чертами лица, на фотографиях она словно сливалась с обстановкой, а экране она смотрелась тускло, не запоминалась зрителю. И ее невысокая фигурка соблазнительной формы “песочные часы” тоже вышла из моды, еще со времен Мэрилин Монро. Да, опоздала она родиться, еще лет сорок назад была бы кинозвездой, с тоской думала она, хотя и допускала, что зря себе льстит.

Хотя она оставила свои фото всем киноагентам, за годы учебы ей ни разу не позвонили с киностудий. Заканчивая училище, она все чаще с ужасом думала, что ей придется возвращаться в свой Урюпинск и пробовать устроиться в тамошний театр... подавать кушать местной престарелой приеме. Хотя, могут и не взять, мать писала ей, что штат провинциального театра и так переполнен. Словом, когда на одной театральной тусовке за ней внезапно начал ухаживать молодой уже глава богатой компьютерной фирмы, она воспри-

няла это как подарок судьбы. Особенно когда выяснилось, что он недавно развелся.

Наверное, в планы Петра Ремизова вовсе не входила скоропалительная женитьба на молоденькой актрисе, но она удачно забеременела и наотрез отказалась делать аборт. Впрочем, Петр особо не настаивал – его дети от первого брака уже выросли, и беременность подруги он воспринял с гордостью – вот какой орел! Ну и что, что немного за полтинник, пороху в пороховницах еще завались!

Он женился на Наталье, одарил своей фамилией и перевез в особняк в закрытом элитном поселке. Несмотря на возраст, высокий подтянутый мужчина был еще хорош собой, а глубокие морщины, на взгляд неудачливой актрисы, даже шли ему, делали лицо значительнее. Нет, она не полюбила пожилого мужа, но была ему глубоко признательна за роскошную жизнь, к которой ей так сложно было привыкнуть. Разумеется, о карьере актрисы ей было строго-настрого велено забыть. Как и вообще о сцене... Теперь ее работой было ходить с мужем на приемы и улыбаться его партнерам. Хотя они Наталью просто пугали. Она быстро поняла, что деньги на раскрутку фирмы дали люди, мягко говоря, не слишком уважавшие закон. И, хотя прошло уже почти двадцать лет, Петр все еще был им должен. Хотя он уверял, что осталось потерпеть еще пару лет, и он полностью рассчитается с ними. И тогда они будут по-настоящему богаты, смогут покинуть страну, путешествовать в свое удовольствие... Но пока она

жила как пусть в золотой, но клетке. И единственную отдушину нашла в дочери.

Уже в три года Жанна пела не писклявым детским голосочком, а настоящим сильным альтом. Слух у нее был абсолютный, личико правильное и выразительное. И Наталья начала отправлять заявки на все детские песенные конкурсы, которые только могла найти. И малышка занимала там первые места! Деньги мужа, конечно, тоже играли свою роль, но и Жанна была невероятно обаятельной девочкой. А в соответствующем гриме – настоящей красоткой. Причем, выглядела сильно старше своих лет. Но и без грима она была хороша, как маленькое солнышко – тоненькая, яркая блондиночка с длинными, чуть волнистыми волосами.

Теперь Наталья чувствовала себя нужной и важной – не просто женой при богатом муже, а продюсером своей невероятно талантливой дочери. Она расписала всю их жизнь на годы вперед, она подсчитала, когда дочка сможет выйти на сцену с сольным номером, без всяких конкурсов. Но пока нужна была раскрутка, ну что же... она за деньгами не постоит.

Но будущая примадонна все еще была обычной маленькой девочкой, которой хотелось повеселиться с другими малышами. Поэтому сейчас они ехали к соседу, жившему в их же поселке, в особняке метров в шестистах от их дома. У соседа, главы строительной фирмы, были двойняшки-семилетки, и он каждый год устраивал для них не просто какую-ни-

будь Елочку, а настоящий новогодний бал-маскарад.

Пятиэтажный каменный дом с узкими окошками и четырьмя готическими башнями был виден из любого места в их поселке. По мнению Натальи, такой замок должен был быть окружен рвом с крокодилами, а через ров следовало бы перекинуть разводной мост. Тогда бы впечатление средневекового замка стало полным. Но историческую правду владелец решил не выдерживать, и дом по периметру окружал ажурная стальная ограда с пиками наверху. Перелезть через такую смогла бы даже отставная актриса. Видимо, и в самом деле в их поселке опасаться было нечего.

Попав на бал, она мигом забыла свою непонятную вечернюю тревогу. По огромному залу, украшенному высоченной пятиметровой елью, носилась детвора – в костюмчиках мишек, Красных шапочек, Золушек и Кикимор. Жанна в восторгом бросилась к пеструю толпу, а к Наталье подошел владелец дома и завел светскую беседу. Она, скрывая скуку, ласково улыбалась низенькому, квадратному мужичку с багровым лицом, напоминавшего ей кирпич. Некоторое время она пыталась вспомнить его фамилию. Кирпичев, может быть? А нет, Киричев! Строительная фамилия подходила ему идеально, но слушать разговоры об архитектурных особенностях замка-особняка и тонкости установки каминов было так невероятно скучно... Но это тоже входило в ее обязанности, хорошие отношения с соседями. Поэтому все свои шпильки по поводу крокодилов и рва она оставила при себе. Мужа

она из вида потеряла сразу, но ей и в голову не пришло его искать. Особой духовной близости у супругов не было. Наталья была полностью поглощена карьерой дочери, а он зарабатывал деньги. Этого вполне хватало для мирной жизни.

Поэтому она не стала искать взглядом мужа даже тогда, когда пришел Дед Мороз в нарядном красном костюме и срывающимся юношеским голосом начал загадывать загадки. Снегурочки с ним не было, и Наталья подумала, что владелец строительной фирмы непростительно сэкономил на аниматорах. Мог уже и заказать эту колоритную пару, ведь детям обычно так нравится Снегурка! Если ему дорого, так сказал бы ей, да и другим гостям по-соседски, неужто бы не скинулись?

– Вот ведь шельмец, я его с девкой заказывал, а он один пришел! – словно эхом прогудел ей в ухо хозяин дома. – Ну потребовал бы баксов больше, а не химичил! Не, больше его в моем доме не будет! Мне его тут посоветовали, мол, недорогой и очень детишкам нравится. А он во чего учудил!

Не надо было экономить, с внутренней усмешкой подумала Наталья. Небось, предложил сто баксов, и потребовал целую бригаду. Конечно, паренек торговаться не стал, а то ведь и вовсе заказа лишиться можно.

Несмотря на отсутствие Снегурочки, Мороз ловко управлялся с разновозрастной детворой, Дети по одному выходили петь, а в это время остальные водили вокруг них хоро-вод. Когда кто-то читал стишок, Дедушка пантомимой изоб-

ражал действие: рос вместе с елочкой, скакал, как серенький зайка, и дети просто визжали от восторга. Наталья немного посмотрела на этот праздник духа и потихоньку выбралась из зала – от скопления народу у нее всегда слегка кружилась голова.

В холле было немного прохладнее, там тусовались гости, пришедшие без детей, а постепенно начали выходить и родители. Приглашенные официантки, в коротеньких черных юбочках и черных кружевных колготках разносили кофе и шампанское на серебряных подносах.

Праздник длился долго. Взрослых гостей провели в каминный зал, рассадили вдоль длинного деревянного стола, покрытого нарядной белоснежной скатертью. Посередине гордо отбрасывал золотистые блики огромный пузатый самовар, рядом с ним торжественно поставили целого жаренного кабана на фарфоровом блюде. Наталья от дичи отказалась, чтобы не капнуть на роскошное платье. Зашедший следом муж в еде себе не отказывал, впрочем, не в его манере было беречь фирменные пиджаки. Надевать второй раз платье Наталья не собиралась, но ведь можно выставить на благотворительный аукцион... она не могла себе позволить просто выбрасывать вещи, которые стоили несколько годовых зарплат ее матери.

К ней иногда подсаживались разодетые дамы в мехах и бриллиантах, о чем-то спрашивали, она вежливо улыбалась и отвечала, не вникая в суть слов. От камина с весело потрес-

кивающими дровами шел жар, от духоты у нее начала болеть голова. Дети шумели, вбегали в зал, снова выбегали и с веселым гулом куда-то уносились. Около 11 вечера она вдруг поняла, что не видит среди толпы пробегающих зайчиков и ведем длинного желтого платья с кринолином. Мигом подхватившись, она бросила в холл, затем в зал, где еще недавно веселил гостей Дед Мороз. Его уже простыл и след, в возле роскошной елки никого не было, кроме маленькой Жанны, растекшимся солнечным пятном распластавшейся на буром ковре. Ее руки были раскинуты в стороны, как у морской звезды, а льняные локоны, стянутые в тугие хвосты, разметались по сторонам и наполовину прикрывали лицо. “Она мертва!” прозвучал в голове Натальи тихий голос, и она рванулась к дочери. Сама удивляясь своей силе, Наталья рывком подняла малышку на руки и прижала к себе. Та недовольно засопела, уткнувшись личиком в материнское плечо, но так и не открыв глаза. Да что это с ней происходит, с некоторым испугом подумала Наталья, почему она все время ждет беды? Надо к психиатру обратиться, пусть успокаивающие выпишет, решила она, и пошла в холл с дочерью на руках. Там она наткнулась на Петра и предложила поехать домой. Тот согласился сразу, и по его усталому лицу Наталья поняла, что он тоже устал от шума и духоты.

Полусонный водитель ждал их в лимузине. На сей раз Наталья не боялась так за нарядные платья, поэтому девочку взял на руки отец, она впрхнула на задние сиденья, через

пару минут они въехали в свой гараж, и Петр понес малышку в дом. Ее спальня была на втором этаже, рядом с материнской, но нести ее по винтовой лестнице на второй этаж компьютерщик не захотел. Спина и так постоянно ныла, и девочка казалась ему не по годам тяжелой. Он отнес дочку в небольшую спальню для гостей на первом этаже и прямо в длинном платье положил на кровать. Она сладко потянулась и свернулась калачиком, не просыпаясь.

– Ты ее раздел? Волосы расчесал? – устало спросила Наталья сверху – она уже стянула платье и теперь в одних трусиках свешивалась с лестницы прямо над ним. Петр лишь неопределенно махнул рукой, не желая вступать в споры. Будить ребенка, чтобы расчесать, он не собирался.

Наталья наскоро умылась и легла в кровать, ожидая мужа. Тот все не шел, и она задремала, забылась каким-то тревожным сном, через каждые несколько минут просыпаясь от каждого шороха. Но усталость брала свое, наконец, она заснула довольно крепко, а когда под утро проснулась, муж уже лежал рядом и мерно похрапывал. Она взяла с бархатного пуфика мобильный, взглянула на время – всего половина седьмого, еще спать бы и спать... Но больше заснуть она не смогла. Поворочавшись в постели минут десять, решила пойти на кухню и попить водички – после выпитого шампанского по горлу словно прошлись наждаком.

Не зажигая света, она практически наощупь спустилась по винтовой лестнице. Вошла в большую кухню-гостинную,

включила настенные звезды-ночники, и при рассеянном сиреневом свете вдруг увидела на столе три листа из своего ежедневника. То есть то, что это были вырванные именно оттуда листы, она поняла позже, когда взяла их в руки и на верхних строчках всех листов увидела отчетливый оттиск своего имени. Но сначала она просто удивилась – кто и когда мог написать ей письмо? Откуда она знала, что именно ей, а не мужу, она так никогда и не смогла объяснить. Но она знала.

Сначала она не догадалась включить верхний свет, и до рези напрягала глаза, читая ровные, словно мелкой вязью написанные строки:

“Господин Ремизов, вы попались в западню! Твоя дочь похищена, и она на волоске от мучительной смерти. Мы группа разведчиков, которые работают на большую и грозную страну. Наша работа – вербовать агентов и устранять предателей, никто не ушел из наших рук живым. Мы уважаем тебя и твой бизнес, но не страну, на которую ты работаешь.

Ты этим же утром снимешь \$ 112,000.00 со своего счета. 100 000 долларов будут в купюрах по 100 долларов, а оставшиеся 12 000 долларов – по 50 долларов. Убедись, что пришел в банк с портфелем, куда поместятся все деньги. И да, не вздумай их пометить! Учти, что тогда за твою дочь никто не даст и цента. В нашей организации есть люди, которые тебя недолюбливают, и только общее голосование с перевесом в один голос не позволило ее убить. Но я могу отозвать свой

голос!

Когда ты вернешься домой, положишь деньги в бумажный пакет, а тот, в свою очередь, в пластиковый пакет из любого супермаркета. Я позвоню между 8 и 10 часами утра, чтобы сообщить, как передать нам деньги. Доставка будет утомительной, поэтому я советую тебе отдохнуть. Мы следим за каждым твоим шагом. Так что, если получишь деньги раньше 8 утра, то мы позвоним раньше. И ты раньше увидишь дочку.

Любое отклонение от инструкции приведет к немедленной казни твоей дочери. Она будет обезглавлена. И даже ее останков ты не получишь. Подумай об этом. Она будет где-то закопана, как безродная собака! Если вы с женой сообщите в полицию, она умрет. Если предупредите администрацию банка, она умрет. Если ты или твоя жена остановитесь, чтобы поговорить с любым бомжем, она умрет. Если деньги будут каким-либо образом помечены или подделаны, она умрет. Ты можешь попытаться обмануть нас, но имей в виду, что мы знакомы с тактикой правоохранительных органов. Ты просто убьешь свою дочь, если попытаешься обмануть нас.

Ты и твоя семья находятся под нашим постоянным контролем, вы полностью в нашей власти. Победа будет за нами! М.О.Р.Г.”

Наталья еще пару секунд постояла, пытаясь осознать написанное. На долю секунды она поверила, что просто спит в своей спальне, и ей снится кошмар. Внезапно вспыхнул яр-

кий свет, и она увидела рядом мужа с синих подштанниках. Не дожидаясь вопросов, протянула ему листки и бросилась наверх, в комнату дочери. Постель Жанны была даже не смята, и она сообразила – девочку отнесли в маленькую комнату на первом этаже, может, она спокойно спит там? Она за секунду долетела до спальни, вопреки разуму все еще надеясь, что это какой-то дикий, кошмарный розыгрыш, но конечно, в комнатке Жанны тоже не было. Она без сил рухнула на пустую постель, на смятой простыне которой блестели несколько звездочек из ярко-желтой фольги, и громко завывала.

Глава 2. 10 лет спустя.

Двойной дефолт

– Я знаю, почему ты такая грустная. – внезапно сказала Маша. – У вас с Сашей дефолт.

Я весь вечер просидела в гостях у подруги, и уже сама удивлялась тому, как вяло течет разговор. Все было как обычно – мы сидели на низких красных плюшевых креслах, почти упираясь ногами себе в живот, на маленьком круглом столике стояли крошечные кобальтовые чашечки с моим любимым кофе, сбоку мягко светил торшер в виде фигуры угодливо согнувшегося красного китайца, за окном мягко пролетали крупные хлопья слипшегося снега. Ноги утонули в густом ворсе выстилавшего пол белоснежного паласа. Казалось бы, все так мирно и уютно, но слова падали между нами, как льдинки с обрыва, вымораживая комнату, и никак не отражали наших мыслей. Но все равно внезапно всплывший откуда-то из недр машиного сознания дефолт как-то неприятно меня поразил.

– Это что-то из экономики? – поинтересовалась я вслух. – Обесценивание денежной массы?

– В твоем случае это обесценивание отношений. – разгорячилась подруга. – Я знаю, над блогером Революцией ты посмеиваешься, а ведь она права! Вы с Сашей оба плюсуете,

и ваша любовь уснула, если не умерла!

Я лишь молча покачала головой. Про Революцию я слышала немало. Она вела популярный в Инете блог, разработала кучу новых названий для любовных отношений, но учить весь этот новояз мне было откровенно лень, а без него ее тексты читать было невозможно. Тем более, от кучи мудреных слов в отношениях ничего не менялось, как и во рту при слове “Халва”. Но Маша считала иначе.

– Вам надо разделить границы. – настаивала она. – Вспомнить, что вы два отдельных человека. Да Полька, хотя бы вспомни, какой ты была пару лет назад, и то хлеб!

Я попыталась вспомнить, но не могла. С тех пор, казалось, прошло несколько жизней. Несмотря на разные, не слишком приятные приключения, я была тогда молодой и наивной. Но измена Саши словно надломила меня, состарила. Когда-то я готова была за него умереть. А теперь... И сам Саша был слишком подавлен своей виной. Иногда мне казалось, что и он с удовольствием расстался бы со мной, чтобы только не чувствовать себя ничтожным изменщиком которого с риском для жизни спасла самоотверженная жена.

– Думаешь, нам надо разойтись? – я прокашлялась и наконец-то смогла говорить. – А дочка? Она любит и маму и папу...

– Революция считает, что парам с детьми лучше не расходиться... – задумалась Маша.

Меня слегка затошнило. Плевать мне на Революцию, это

не ей изменили, не от нее ушли к глупой молодой красотке. Я с болью в сердце вспомнила того синеглазого парнишку, который так мило стеснялся, который так прожигал меня глазами, стоило мне отвернуться... Когда-то, пытаясь очаровать этого не по годам застенчивого мальчика, я радовалась, что мне это удастся, и казалась себе особенной, по-женски мудрой и неповторимой. Тоже мне, помесь Платона с Сократом в юбке... Оказалось, с этой же архисложной задачей справится любая молодая девчонка. Да, я оказалась дуручкой, никто мне не виноват. Муж тоже в этом не виноват, но... Больше никогда я уже не смогу почувствовать себя единственной, незаменимой. И этого никак не изменить.

Маша еще что-то говорила, я слушала вполуха, но вдруг очнулась. Что она сказала секунду назад?

– Маш, я чего-то задумалась слишком глубоко, повтори последнюю фразу.

– У нас с Оскаром тоже дефолт. – тоскливо повторила подруга. – Мы тоже слили границы, и теперь оба в плюсе.

– Что это значит? – с ужасом спросила я – Машка, не дури! Оскар тебя любит.

– Да что ты говоришь? – она потихоньку начала закипать. – И в чем же выражается его огромная любовь? В том, что он заставил меня учиться, сначала в юридическом, потом еще на куче курсов? Зачем мне это? Он оторвал меня от того, к чему я стремилась сама. Сломал мою кинокарьеру. У меня нет способностей к расследованиям, я не хочу быть про-

файлером. Я хотела быть певицей. Актрисой. Я могла быть хорошей актрисой. А теперь я кто???

Я лишь дернула плечом. На этот вопрос у меня не было ответа. Да, когда-то Маша нашла богатого папика-банкира, и пыталась петь на сцене. Но голос у нее был далеко не таким роскошным, как внешность. Ослепительная блондинка со светло-серыми огромными глазами и ногами, растущими откуда-то из ушей, она могла бы стать дорогой гетерой, но точно не первоклассной певицей. И насчет ее актерского таланта я не была уверена – ее точеное лицо с высокими скулами поражало своим неподвижной, ледяной красотой. Ее красота казалась неживой, все эмоции надежно скрывались внутри, прячась от чужого взгляда.

В любом случае, ее кинопоезд уже ушел. В декабре ей исполнилось 32 года, за плечами был неплохо законченный юридический факультет и курсы профайлеров, она работала на безумно интересной, на мой взгляд, работе... и похоже, была несчастна. А я бы хотела поменяться с ней местами? мелькнуло в голове. Поменяться полностью? Наверное, все же нет, решила я. Из-за дочери. Лике недавно исполнилось шесть лет, и радость от ее улыбки я не меняла бы ни на что.

– Маш, а когда ты рожать-то будешь? – вырвалось у меня. – Не думала еще об этом? Заодно и от нелюбимой работы отдохнешь.

Он вскочила с кресла и начала нервно ходить по комнате,

слишком маленькой для размашистого шага ее длиннющих ног. Синий шелковый халатик завивался вокруг ног, словно в танце. Я невольно залюбовалась подругой. Может, ей и правда надо было изо всех сил пробиваться на сцену? Она резко остановилась и повернулась ко мне:

– Я не знаю, почему у нас нет детей. – прошептала она, ее огромные серые глаза налились слезами. – Я ходила к врачам, и Оскар тоже. Говорят, что мы оба здоровы. Но я не беременею. Время идет, и мне кажется, у меня уже не будет детей.

– Давай я тебе ауру почищу. – предложила я. Снимать порчу я умела отлично, хотя никогда сама не верила в свои же способности. Но женщины, которые не могли забеременеть, после очищения яйцами и свечами успокаивались, расслаблялись и вскоре беременели. А потом прибегали ко мне с благодарностями, фотками детей и огромными тортами. Если я делаю такие чудеса за деньги, неужели не сумею помочь любимой подруге?

– Полька, брось! – с досадой отмахнулась Маша. – Ты мне сколько сама рассказывала, что просто дурачишь людей своим гаданием и очищением!

– Я им помогаю. – разозлилась я. – Иначе у меня не было бы столько постоянных клиенток.

– Так помогаешь потому что они верят тебе. А я не верю, ты сама постаралась меня разуверить.

Я лишь вздохнула. Время собирать камни – кажется, так

это называется? Зачем я годами рассказывала Маше подробности про свою работу в гадальном салоне? Зачем смеялась над клиентами? Как же много я наделала ошибок за свою не такую уж длинную жизнь...

– И Оскар, уверена, тоже уже жалеет, что со мной связался. – Маша буквально упала в кресло. – Детей у меня нет, способностей к делу, которым я занимаюсь, тоже нет. Что же осталось? Только моя красота... но и ей придет срок. Я останусь такой, как я внутри себя чувствую – обгоревшей головешкой. Я неудачница!!!

Она уронила голову на колени и горько зарыдала, обхватив руками голову и пытаясь отодвинуть упавшую наперед копну белокурых волос. Я вскочила, потом опустилась на мягкий палас рядом с ней и начала утешать.

– Машенька, твоя красота еще надолго. Ты просто расстроена сейчас, но тебе можно помочь... ладно, мне ты не веришь. Давай в моем салоне ты сходишь к другой гадалке. У нас появилась недавно одна дама, Доротея, она творит чудеса. Все клиентки в восторге, даже про меня забыли, к ней хотят. Думаю, она на самом деле ясновидящая.

Я долго несла всякую чушь, заговаривая зубы плачущей подруге. Главное было убедить ее в том, что Доротея ей обязательно поможет. Как хорошо, что я в долгих беседах еще не успела обсудить эту самую Доротею, сумасшедшую мамочку, готовую хоть порчу снимать, хоть камни в гору на манер Сизифа таскать, лишь бы купить своей избалованной дочур-

ке новый айфон. Но я так расхваливала новую гадалку, что рыдания Маши стали потихоньку утихать, и через некоторое время она согласилась зайти на днях в мой салон.

Вскоре пришел Оскар. Еще в юности он казался мне гигантом, а с годами, кажется, становился все выше и больше, и теперь он полностью заполнил собой маленькую комнатку, вытеснив из нее кислород. После машинных рыданий, мне было неловко встречаться с ним взглядом, поэтому, торопливо попрощавшись, я тут же сбежала. Села в свою Мазду, с опаской посмотрела на заснеженную дорогу, и, мысленно перекрестившись, нажала на газ. Слегка повихляв, машинка все же поехала по проложенной колее, редкие фонари лишь слегка освещали дорогу и, рискуя в любой момент вылететь на обочину, я подумала: Маша зря переживает, их любовь с Оскаром еще жива, просто сейчас, в зимней темноте, она притаилась и не дает о себе знать. Впала в спячку. А вот что делать нам с Сашей?

Припарковавшись неподалеку от нашей блочной пятиэтажки, я заглушила мотор и задумалась. Если уж такая красавица, как Мария Белова, считает, что ее любовная лодка разбилась о быт, на что могу рассчитывать я? Я старше ее на 4 года, ниже на 12 сантиметров и тяжелее на 5 кило. Даже в ранней юности я не была такой ослепительно прекрасной, хотя миловидной меня считали многие. Но сейчас, после всех потрясений, я давно уже вышла из категории сексуальных львиц. Но мне казалось, что для Саши я навсегда

останусь самой красивой, и ни возраст, ни вес тут ничего не поменяют. Какой же я была дурой!!!

Я стукнула кулаком по ни в чем не повинному рулю и тихо заплакала. Где-то в долгой дороге, преодолевая очередные трудности, я утратила чувство реальности. Зачем я поставила Сашу на пьедестал? Он обычный, самый обычный, и я не должна была ожидать от него вечной любви и лебединой преданности. Если бы я не сотворила себе кумира, сердечная рана давно бы зажила. А вот Маша всегда недолюбливала моего мужа, считала размазней, тюфяком. После его измены ее равнодушное презрение превратилось в острую неприязнь, скрывать которую стоило ей больших усилий. Поэтому она больше не бывала у нас дома, боясь в какой-то момент не совладать с собой. Ну что же, думаю, скоро она снова сможет приходиться ко мне в гости.

Дома меня ждала мама и Лика, услышав скрип ключа, они выбежали ко мне в прихожую. Пухленькая дочка с разбега бросилась мне на шею, я подняла ее и осторожно покрутила по завешанному куртками крошечному пространству. Еще не так давно я хотела купить для семьи просторную квартиру в новостройке. Но бизнес Саши сделал крутое пике, теперь он мог с трудом прокормить своего владельца. Да и в гадальный салон народу приходило не так много, как еще пару лет назад. Но главное было даже не в этом...

Расцеловав румяную радостную дочурку, я поздоровалась с мамой, которая нерешительно протянула руки к своему пу-

ховичку. Она не то хотела мне что-то сказать, но не решалась при дочке, не то просто сильно устала, но двигалась, как в замедленной съемке, по миллиметру вдевая правую руку в рукав.

– Мамочка, ты уже уходишь?

– Даже не знаю... Полечка, Саша пока не пришел, может, я еще посижу? Лику спать уложим, чайку с тобой попьем? Мой трамвай до полуночи ходит, успею домой, кто меня там ждет?

Я машинально глянула на небольшие наручные часики – половина девятого. Саши, значит, еще нет дома. И где же он? Его заводик дышит на ладан, в шесть вечера его закрывают и ставят на сигнализацию, которая в целях экономии даже не подключена к пульту охранной фирмы. Куда же мог податься мой супруг? Почему не позвонил, не предупредил?

– Мамочка, все в порядке. Ты устала, поезжай уже домой. – тихо попросила я, боясь разреветься.

Это было жестоко, но я очень хотела, чтобы она побыстрее уехала. Зачем расстраивать маму, да и Лику напугает моя истерика.

После маминого ухода я уложила дочку в постель, полчаса читала ей про Железного дровосека, Страшилу и девочку Элли, после чего Лика задала внезапный вопрос:

– Мамочка, а Дровосек любит Элли? Или полюбит, когда получит настоящее сердце?

– Дорогая, они просто друзья. – машинально ответила я,

с трудом сдерживая истерический смех. Вопрос на миллион, дочка, похоже, будет в меня. Из любого Страшилы сделает благородного героя, воображение поможет ей дорисовать горячее сердце в его груди, а потом... ее рыцарь на глазах превратится в обычное соломенное чучело.

Малышка свернулась клубочком и засопела, не дослушав моих объяснений. Я снова взглянула на часы – десять вечера, от Саши никаких известий, может, пора обзванивать больницы? Вышла в коридор, достала из сумочки мобильный и сразу увидела смс: “Прости, на работе неприятности. Буду поздно, ложись без меня. Постараюсь не разбудить.”. И все. Никаких тебе дорогая, любимая, сокровище мое. Никаких слов любви. Правда, смс-ка отправлена давно, видимо, из-за машинных рыданий я не услышала ее звяканья.

Я немного покрутилась возле встроенного в шкаф зеркала. Там отражалась замученная жизнью тетка непонятного возраста, в меру упитанная, с серым лицом, ввалившимися и немного опухшими глазами, на которые падали пряди мышино-серого цвета. К этому образу отлично подходила прямая коричневая юбка и черная плотная блузка навыпуск, напоминавшая комиссарскую тужурку. Да уж, с такой внешностью можно работать в разведке, никто и через секунду не вспомнит, что я толкалась по соседству. Когда я успела так себя запустить? Надо бы привести себя в порядок, в салон красоты сходить, что ли? А смысл?

Я подошла к окну и долго глядела на клумбы с искря-

щимся в электрическом свете снегом. За последний месяц сколько раз я уже любовалась этой ночной красотой? Саша старался приходить как можно позже, а в выходные играл с дочкой, стараясь не встречаться со мной глазами. Может, он снова нашел любовницу? Но я так не думала. Денег он больше практически не зарабатывал, а молодых красоток интересовали они и только они. Это меня, наивный цветочек, когда-то зачаровал заколдованный принц, оказавшийся на поверку обычным ишаком.

Нет, Маша права. Как бы не назвать нашу семейную жизнь, хоть дефолтом, хоть дефляцией, но она явно не нормальная. Надо что-то решать.

Глава 3. 2009 год, 31 декабря.

Выкуп, которого не было

Сколько времени она каталась по опустевшей кровати, рыдая и задыхаясь от собственного воя, она уже не помнила. По ее ощущениям, прошла вечность, но в реальности, наверное, не более получаса. Слегка опомнившись, она бросилась на кухню, к мужу. Надо было срочно заказывать деньги, чтобы успеть до звонка похитителей. 112 тысяч долларов для них были достаточно большими деньгами, обычно столько свободной налички у Петра не было, но как раз примерно неделю назад по итогам года муж раздал премии всем работникам их фирмы, ну а себе, как руководителю, выписал лакомый кусочек – как раз 112 тысяч, практически их годовую прибыль. Перевод в банк уже прошел, и потому наверняка им удастся сегодня же снять всю сумму.

Она вбежала в кухню и увидела, что Петр сидит за столом на узком высоком стуле, обхватив голову руками, все в тех же подштанниках, а листки из блокнота небрежно разбросаны по столу.

– Ты уже звонил в банк? – резко спросила она, остановившись в дверях?

– Зачем? – он поднял голову, и она на миг удивилась, каким старым и больным он сейчас выглядит. Ему же всего 56,

он не может выглядеть на 70, у него никогда не было такой серой кожи и изрезанных морщинами щек! зачем то подумала она, но тут же забыла о своем удивлении. В данный момент это не имело никакого значения.

– Надо заказать деньги, мы должны их получить до 10 утра!

– Ната, ты хоть понимаешь, что шантажистам нельзя платить? – он говорил, словно с трудом выталкивая слова. – Они никогда не выполняют обещаний.

– Мне плевать, что они там выполняют! – сквозь подступившие вновь рыдания проорала она. – Немедленно звони в банк!

– Ната, они убьют девочку и заберут деньги. – чуть тверже сказал муж. – Конечно, я сейчас закажу деньги, но сначала надо позвонить в полицию.

– Нет!!!

Увидев ее лицо, он чуть отшатнулся, но тут же довольно громко проговорил:

– Хорошо, но банк откроется только в восемь. Еще полчаса надо ждать.

– Ты же ВИП-клиент! Звони своего консультанту, или как его там! – Наталья даже в истерике еще сохраняла крупицы разума. – Пусть ради тебя сделают исключение, пусть быстрее начнут работу!

– Да-да, – торопливо откликнулся Петр. – Надо найти визитку консультанта, она в в гардеробной на втором этаже, в

бархатном пиджаке. Сбегай за ней!

Не заподозрив подвоха, Наталья стрелой понеслась вверх, влетела в гардеробную, вытряхнула прямо на паркет все аккуратно развешенные пиджаки и начала судорожно шарить по карманам. Руки тряслись, глаза временами затягивало туманом, деликатные пиджаки под напором трещали по швам. Она нашла несколько визиток, но из банка не было не одной. Не веря себе, она еще раз обыскала пиджаки. Затем с трудом встала, отряхнулась, как побитая собака, и подумала, что это уже неважно. Через несколько минут отделение откроют, они позвонят в банк, и с консультантом их свяжут. Держась обеими руками за перила она, как старуха, сползла по винтовой лестнице и еще из холла услышала голос мужа:

– Конечно, полиция уже едет! Но мне теперь страшно в доме... Ты не мог бы подскочить?

Она рванулась вперед, чуть не свалившись с нижних ступенек, и вбежала на кухню. Муж держал в руках мобильник, но, услышав ее шаги и срывается дыхание, быстро поднялся и спрятал его за спину.

– Какая... какая полиция? Кому ты звонил? – задыхаясь от бега и предчувствия новой беды, спросила она.

– Ты ж не думаешь, что я передам шантажисту такую сумму без присмотра полиции? – Петр обернулся и посмотрел ей прямо в глаза. Даже в своем полубезумной состоянии она отметила, что он уже не выглядит глубоким стариком. Кожа слегка порозовела, а на щеках атели яркие круги, точно от

пощечин. – Конечно, полиция будет отслеживать все перемещения сумки с деньгами. Тогда у нас будет гарантия, что девочку вернут.

Пока она ловила воздух ртом, муж быстро обогнул ее, почти выбежал в холл, и она услышала, как он грузно поднимается по ступенькам. Она упала на пол рядом со столом и пыталась снова зарыдать, но слез больше не было, и она лишь тихонько заскулила. Так она и встретила приехавшую полицию – в короткой шелковой ночнушке, босая и зареванная.

Дальнейшее напоминало страшный сон, когда понимаешь, что вот-вот скроешься в пасти чудовища, но никак не можешь проснуться. Петр спустился на кухню, уже полностью одетый, в костюме двойке, и вежливо пригласил двух полицейский сесть. Следом за ними прикатил Киричев с супругой, которая якобы тоже пожелала оказать моральную поддержку, а на самом деле просто сгорала от любопытства. Ее удлиненный острый нос, казалось, сейчас просверлит дырку в мозгу Натальи. Следом приехали Кудрихины еще один сосед с женой, которым тоже позвонил Петр. Наталья готова была убить их всех, этих ворон, притащившихся в их сраженный бедой дом и аж капающих слюной от предвкушения невероятной истории, о которой потом можно годами рассказывать местным сплетникам. Они с фальшивым сочувствием смотрели на нее, полуголую, растрепанную и распухшую от слез. Она хотела подняться наверх, переодеться, но жуткий страх мешал ей покинуть кухню, пропустить

хоть мгновение переговоров с похитителями. Ей казалось, что пока она здесь, ничего плохого с дочерью не случиться.

Лера Кудрихина, оценив ситуацию, сама поднялась в ее спальню и вернулась с красным махровым баннным халатом. Вдвоем с Киричевой они завернули Наталью в этот халат, чуть не насильно вдели ей руки в рукава, подняли и усадили на принесенный мужем мягкий пуфик. Она сторбилась на нем, обхватила колени руками и лишь тихонечко скулила, не в силах ни заплакать, ни сказать что-нибудь.

Выяснилось, что Петр успел позвонить всюду, кроме банка. Лишь в половине девятого, под пристальными взглядами патрульных полицейских и гостей, он набрал телефон банковского VIP-консультанта, который, разумеется, хранился в контактах его айфона.

– Валентин? Это Петр Ремизов. – в его голосе появились начальственные нотки. – Я подъеду в ваше отделение через полчаса, а вы пока подготовьте наличными 112 тысяч долларов.

– Но... Петр Васильевич, я очень рад вас слышать... но я должен убедиться, что в нашем отделении есть такая сумма!

– Валя, вы хотите и дальше работать в банке? – ласково спросил Петр, но теперь в его голосе ясно слышалась угроза. – Деньги мне нужны через полчаса. Они должны у вас быть, их отправили переводом неделю назад. Если их нет на месте, то закажите. Срочно! У меня дочку похитили, а вы тут время тянете!

Громкая связь была включена, и Наталья слышала, как консультант, охнув, забормотал, что конечно же, деньги найдутся, а нет, так будут срочно доставлены из другого отделения. Петр отключился, затем поднялся, и вместе с одним из полицейский вышел из дома. Второй патрульный и соседи остались с Натальей, пытаясь поговорить с ней и как-то подбодрить. Она лишь тихо поскуливала, пытаясь отогнать жуткие мысли. Муж нарушил приказ похитителей, он не только позвонил в полицию, он еще пригласил соседей. Теперь, если похититель каким-то образом наблюдает за домом, он уже знает, что его приказ нарушен, и убьет девочку. Нет!!!

Наверное, она выкрикнула это вслух, потому что Киричев и обе дамы начали ее о чем-то расспрашивать. Неизвестно, что они поняли из ее сбивчивых фраз, но полицейский все понял точно, и тут же начал ее успокаивать:

– В данном случае бояться вам нечего. – внушительно говорил он. – За этим домом никто не следит. Прежде чем входить сюда, мы это проверили. Ручаюсь, что ни во дворе, ни рядом с домом нет посторонних людей или посторонних машин. Не верите мне – спросите у своей охраны. Они сейчас тоже кружат по поселку, если хоть кто-то посторонний попадется, будет тут же задержан.

Она лишь в панике мотала головой. Похитителю не обязательно находится рядом, он мог оставить в доме подслушивающее устройство! Она пыталась это сказать, ее долго никто не понимал, затем полицейский ответил:

– Да сюда скоро наша бригада приедет, со следователем и экспертами. Если что-то в доме спрятано, точно найдут.

Легче ей не стало. Допустим, найдут, и что дальше? Если похитители уже знают, что вызвана полиция, прямо сейчас они убивают Жанну. От этих мыслей она завывала так, что впечатлительная жена Киричева вздрогнула и выбежала из кухни.

В доме раздались мужские шаги, это вернулся Ремизов со вторым полицейским и большим пластиковым пакетом с деньгами. Из обрывков разговора мужа с гостями Наталья поняла, что и пластиковый, и внутренний бумажный пакет, и купюры были помечены, но сил бороться у нее уже не было. Она раскачивалась на пуфике, лишь судорожно всхлипывая, и ждала звонка. Время шло, гости заскучали, начали разгуливать по кухне, расторопная румяная Лера Кудрихина уже заваривала чай, потребовав от своего мужа немедленно вызвать сюда кухарку, чтобы приготовить всем нормальный завтрак. Настенные бронзовые часы пробили десять утра, но от похитителей не было никаких весточек. Пришла удивленная кухарка Кудрихиных, дико оглядела собравшуюся на кухне публику и начала готовить омлет. Пока суть да дело, пока перекусили, прошло еще около часа. Звонка о передаче выкупа все не было.

Наталья наотрез отказалась не только от омлета, но и от чая. Ее знобило, разодранное криком горло болело, мысли путались. Больше всего ей хотелось заснуть и никогда не

просыпаться.

Тут наконец раздался телефонный звонок, но у одного из патрульных. Ему сообщили, что выездная бригада уже едет, и затем начальственный бас грозно осведомился, был произведен ли обыска дома.

– А то москвичи приедут, а у тебя снова конь не валялся. Если снова нажалуются, ты вылетишь с места!

Патрульный вскочил, повертелся на кухне и робко обратился к Петру:

– Ну, вы посмотрите, ничего в доме не пропало? Мне-то тут чего искать, я ж не знаю, где у вас что лежит...

Петр с готовностью встал, Киричев и Кудрихин тоже поднялись и выразили готовность идти вместе с ним по дому и чего-то искать. По их растерянными голосам Наталья понимала, что они не видят в этом обыске никакого смысла, но не могут оставить приятеля без моральной поддержки. Она потеряла ориентацию во времени, и потом не могла бы сказать, сколько времени продолжался бессмысленный обыск. Наконец, троица вернулась на кухню и доложила, что, на первый взгляд, ничего из дома не пропало. Дорогие украшения Натальи заперты в сейфе, тот не вскрывался, других ценностей в доме нет.

– Постойте, а как преступник попал в дом? – вдруг осенило одного из патрульных. – У вас сигнализация включена?

– Когда мы дома, никогда не включаем. – нахмурился Петр. – Она реагирует на движение, что же нам, всю ночь не

шевелиться? Двери заперты этого достаточно.

– Может, какая-то дверь не заперта? – не унимался полицейский. – Ну там от гаража, к примеру. Или окно где открыто... Проверьте!

Ремизов с приятелями снова вышел, а Наталья провалилась в какое-то снопоподобное состояние, в котором мало что чувствовала. Очнулась она лишь от громких взволнованных голосов над головой и от истеричного, почти женского вопля мужа:

– Она там! Вы должны туда спуститься, она там! В подвале!!!!

Кажется, она вбежала туда первой. В небольшом подвале они держали ненужные вещи – старый трехколесный велосипед, на котором девочка уже год не каталась, скакалки, деревянные санки с полозьями... Но теперь среди старого хлама она сравы выцепила взглядом бьющее в глаза золотое пятно. Это была она, ее душа, ее малышка. Она, как сломанная кукла, распласталась по грязному полу сбоку от приоткрытого под потолком маленького окошка, ее белые волосы намокли от мелкого мокрого снега, подтаявшего и сливающегося с подоконника на пол. И еще какой-то оттенок был у светлых прядей возле самого лба, багрово-коричневый цвет, напоминавший ей... нет, она не знала, что он ей напоминает. Под окошком стоял большой коричневый чемодан, с которым они когда-то ехали в свадебное путешествие. Она не помнила, зачем его отнесли в подвал, ему тут было не ме-

сто... ненужные, странные мысли мелькали в голове, пытаюсь скрыть от нее главное. Ее маленькой дочери больше не было с ней. И никогда не будет.

Она отогнала от себя злые мысли и шагнула вперед, чтобы поднять девочку на руки, приласкать, утешить. Жанна спит, просто спит, как накануне, шептала она, прорываясь через лес вытянутых рук, удерживающих ее. А голоса шелестели вокруг, уверяли, что у девочки пробита голова, что она задушена, что она мертва и никогда более не оживет. но она не верила и все рвалась вперед, к неподвижному золотистому платю.

Кажется, чуть позже она потеряла сознание, потому что очнулась уже в холле, на неудобной узкой кушетке, заботливо прикрытая шерстяным пледом. Где-то, километров за сто, доносился внушительный голос Кудрихина, как она вдруг вспомнила, он работал юрисконсультантом какого-то банка:

– Петя, я все понимаю... но тебе надо срочно приглашать адвоката. Иначе дело труба...

Глава 4. 10 лет спустя.

Подаю на развод

Перед приходом Маши я почему-то сильно нервничала, и истрепала все нервы Доротее, в который раз инструктируя, что и как надо сказать, чтобы произвести впечатление. Та молча кивала, похоже, погрузившись в свои мысли, Маша задерживалась, а моя нервная дрожь все усиливалась. Вдобавок, потихоньку наваливалась странная тоска, похожая на предчувствие. Я загадала про себя – если еще через пять минут Маша не появится на пороге салона, я отменяю ее визит. Доротее заплачу из своих денег, так что ей даже лучше, не надо выслушивать очередную нотацию глупой хозяйки. Прошло три минуты, четыре... у меня словно камень упал с сердца, и в этот момент Маша постучала в нашу дверь.

Она весело поздоровалась с Доротеей, и та загадочно улыбнулась ей в ответ, слегка отодвинув с глаз прядь темных волос. Да уж, в умении напускать тумана с этой гадалкой мало кто мог сравниться. Я ценила это качество, поскольку сама им не обладала. Я резала правду матку, как хирург на операции, и теряла часть клиентов, желающих ласкового обмана. Доротее же, не сказав и десятка слов, умела внушить человеку, что разгадала все его потайные мысли. Если б не любовь клиентов, думаю, я бы распрощалась с ней после ме-

сячного испытательного срока. Увы, но гадалка была крайне общительна, и это еще полбеды, но беседовать она любила на одну-единственную тему – о своей дочери-подростке Анжелке.

И вот уже полгода я выслушивала бесконечную повесть о том, как Анжелка играет в пинг-понг, выигрывая местные соревнования по этому благородному виду спорта, как она поехала в областной центр на крутую олимпиаду по английскому, как заняла там всего лишь третье место, разумеется, из-за интриг двух девочек с папами-олигархами. Восхваления дочери иногда перемежались жалобами на нее – непослушная девочка выкрасила волосы в салатный цвет, что совсем не шло к ее полудетскому личику, разрисованному толстым слоем румян и помады. Доротея постоянно подсовывала мне свой фейсбук, состоявший из огромной фотогалереи с портретами дочери. У меня уже рябило в глазах от улыбающейся девочки в разных нарядах, с разным цветом волос, и почти не меняющейся хитрой детской улыбкой.

А в последний месяц началось вообще стихийное бедствие – Анжелка влюбилась. И теперь все свободное от работы время я выслушивала рассказы о ее первом свидании, о том, как она на них наряжается, как подводит глаза маминой тушью, и как она по вечерам часами ожидает звонка дочери и, не дождавшись, звонит ей сама. Собственно, я Анжелку вполне понимала. Будь у меня такая сумасшедшая матушка, я б тоже старалась звонить ей как можно реже.

Зато в работе гадалка была совершенно безотказная. Она бралась предсказывать будущее мрачным типам с татуировками, с которыми я боялась даже разговаривать, смело ехала домой к незнакомым странным людям очищать от порчи их загородные дома, и лишь смеялась на все мои просьбы постоянно быть на связи и в случае чего произнести кодовое слово, означающее опасность. Похоже, чувство страха у нее было полностью атрофировано. Что же, в юности я тоже мало чего боялась. Но Доротее было хорошо за сорок, безумства юности давно должны были остаться позади. Конечно, сексуальное насилие ей вряд ли грозило, ее длинные серые юбки, широкие блузки-размахайки и расплывшееся немолодое лицо, не тронутое косметикой, не вызывало горячей страсти у мужчин – но кто ж знает сексуальные предпочтения маньяков? А уж предсказать поведение психов не всегда могут и врачи соответствующего профиля. Храбрость Доротеи поражала еще и потому, что она могла оставить сиротой свою обожаемую дочурку.

Но на все мои упреки она лишь усмехалась одной стороной рта.

– Поля, ты забыла, что я ведьма. – как-то небрежно ответила она, сверкнув обычно бесцветными глазами. Мне показалось, что в воздухе сгустилось электричество. – А все эти ребята лишь сами себе кажутся крутыми. Я могу заставить их обмочиться одним пальцем.

Она сжала кулак, чуть взмахнула рукой, быстро растопы-

рила ладонь, и из среднего пальца вырвался столбик пламени, сменившийся густым черным дымом. Я невольно отшатнулась, потом неловко засмеялась, и больше не учила Доротею жизни. В самом деле, не мне говорить, ведь таким фокусам я так и не смогла обучиться.

И сейчас вся надежда у меня была на необычные дарования Доротеи, поскольку привыкшую к моим рассказам Машу пробить было сложно. Гадалка с Машей прошли в мой гадальный кабинет, и Доротея подошла к большому круглому столу, кивнула клиентке на деревянный стул с высокой спинкой, села в удобное кресло напротив и одним движением руки веером разложила на грубой деревянной столешнице карты. Она удивляла Машу разными подробностями ее жизни, но на лице подруги я видела лишь раздражение вместо доверия. Скрестив руки на груди, она сидела неподвижно, и лишь постукивание каблукочком по полу выдавало ее сдерживаемый гнев. Ну конечно, она считает, что это я разболтала лишние подробности из ее жизни. Сейчас она уйдет, громко хлопнув дверью, здорово обидевшись на меня... Вот же не обмануло предчувствие, зря я затеяла это гадание!

Кажется, Доротея тоже это поняла, хотя по ее неподвижному покерфейсу никогда нельзя было сказать наверняка. Опустив глаза, она елеинным голосом попросила фотографию мужа – возможно, с него надо тоже снять порчу. Маша достала из сумочки паспорт, а оттуда – старое фото Оскара, которое зачем-то постоянно носила с собой. Доротея приблизила

фото к глазам, ее и без того малоподвижное лицо застыло. В воздухе словно появился запах озона – тот предгрозовой запах, которые всегда предшествует разряду молнии.

Прошли долгие секунды, показавшиеся минутами, а то и часами. В полном молчании гадалка положила фотографию на стол, сняла с серебряного подсвечника горящую тонкую свечу, взмахнула крест-накрест, и фотография вдруг вспорхнула со стола, завибрировала в воздухе и внезапно вспыхнула, хоть и не касалась открытого огня. Маша вскрикнула, вскочила, потянулась было схватить фото, но обожгла пальцы, отдернула руку и вновь упала на стул, сквозь слезы следя за рассыпающимися на столе обгорелыми клочьями. Тонкая свеча с шипеньем потухла, окропив стол черными искрами копоти. Я тоже вскочила со стула, затем уселась вновь и хмуро наблюдала за представлением. Будь перед нами обычная капризная клиентка, я мысленно поаплодировала бы гадалке. Но доводить подругу до нервного срыва мне совершенно не хотелось. А Доротея, похоже, только вошла во вкус.

Прямо поверх почерневших обрывков плавной змеей на стол заструились карты. Они разлеглись какой-то немислимой комбинацией, где прошлое переплеталось с будущим, а на сердце лег страшный Пиковый туз.

– Ты умрешь пустоцветом. – тихо сказала гадалка, словно разговаривая сама с собой. – Нету в картах продолжения твоего рода. Когда-то твой муж совершил ошибку. Чудовищную ошибку, которая перечеркнула его карму. Пока ее не испра-

вит, детей у него не будет.

Я решительно встала с места, но Доротея лишь злобно зыркнула на меня и так же полушепотом продолжала:

– Но спасение есть. Ты должна узнать, в чем заключалась ошибка, и исправить ее. Еще не поздно. И твое чрево наполнится. Ты понесешь под сердцем девочку.

И она резким движением смешала карты.

Опираясь на спинку стула, Маша медленно встала и обратила ко мне заплаканные глаза:

– Поля, за что?

Я растерянно пожала плечами и повернулась к Доротее. Та уже обычным голосом заметила:

– Девушка, вы пришли за толкованием событий. Не моя вина, что у вас до сих пор нет детей. Я лишь передала, что поведали карты. Теперь ваша очередь повлиять на свою судьбу.

Не глядя на меня, Маша выбежала из комнаты, и я услышала, как с треском захлопнулась дверь салона. Я подошла, уперлась руками в стол и грозно спросила Доротею:

– И что сие значит?

– А что ты хотела? – равнодушно пожала плечами та. – Чтобы я сказала: да-да, вот щас порчу с тебя сниму, и тут же залетишь? А потом вообще начнешь рожать как из пулемета? Полина, ты умная тетка, сама ответь, такое подействует?

Я вздохнула и отошла от стола. Доротея права, не подействует. Шоковая терапия, конечно, работает куда лучше, но...

– И какой же смысл в твоём гадании? – ехидно осведомилась я.

– А ты не поняла? Начнет девчонка искать роковую ошибку, намучается, в процессе сама поверит, что в этом все дело. А как найдет да исправит, тут хочет не хочет, а залетит.

– Да где ей искать ту ошибку? – взорвалась я. – Надо было что-то указать конкретное, что можно легко найти и исправить. А ты послала ее искать то, не знаю что! Ну почему не сказала, что напортила сама Маша? Тут хоть понятно было бы, в каком направлении двигаться.

– Да ты в уме? – тут уже психанула Доротея. – Хочешь, чтобы она в петлю полезла? У бабы депрессуха, ребенок не получается. А тут еще самадуравиновата? А так нате вам, она ни при чем, это муженек накосячил. На нем и вина. А уж не накосячить он никак не мог, на то и мужик.

– Оскар никогда не ошибается. – угрюмо ответила я, отгоняя мысль, что еще недавно могла бы так сказать и о Саше.

– Тогда его надо заспиртовать и в музей. – недобро усмехнулась Доротея. – Да только знаю я нас, баб. Мы ж в упор очевидного не видим.

Я отошла от нее и вышла в коридор, поболтать с Синтией. Верная секретарша старательно поддерживала беседу, улыбалась в нужных местах, но я видела – ей тоже не по себе. Доротея не выходила из кабинета, и я начала уже раскаиваться в своей несдержанности. Да, она удачно пробила броню недоверия Маши, теперь та невольно начнет искать у Оска-

ра косяки. Допустим, даже найдет. А что потом? Начнет исправлять, надеясь на последующее чудо? Или решит, что раз он виноват во всех неудачах, то с нее хватит, и подаст на развод? Если честно, второй вариант казался мне куда более реальным. А я ведь не этого хотела добиться...

Впрочем, чего уж теперь расстраиваться. Если Маша поверит в гадание, все может получиться очень даже неплохо. Надо попробовать исправить ситуацию, найти какую-то более-менее серьезную ошибку Оскара, исправить и посмотреть, что выйдет. Главное, не пытаться уличить его в измене – разве не на это намекала Доротея? Хотя, какая разница, что она имела в виду, искать будем без нее, и я прослежу, чтобы в красивую голову Маши не пришли ненужные мысли. Оскар следователь, более того, глава следственного отдела по особо тяжелым преступлениям. Наверняка у него есть и ошибки, и нераскрытые дела. Так что большое и благодатное поле для поиска, есть где развернуться. А что, благодатная идея. И для Маши такое занятие в любом случае будет благотворным, если ее хорошенько нагрузить, некогда будет переживать и рыдать. А там, глядишь, отвлечется от навязчивого желания иметь ребенка, и беременность внезапно нагрянет. Права Доротея, ох права. Ситуацию надо хоть как-то разрешить. И Маше, и особенно мне.

Синтии позвонил очередной клиент, а я вышла на улицу и решительно набрала номер мужа:

– Саша... да, я знаю, что ты занят. Ты теперь всегда занят.

Я только хотела сказать, что подаю на развод.

Глава 5. 2009 год. 31 декабря. Инсценировка?

Охваченная апатией, Наталья подумала, что не только она сошла с ума. Мужчины, похоже, тоже в неадеквате. Но Петр немедленно начал кому-то звонить и дрожащим голосом умолять приехать, пообещав не постоять за ценой. А потом по дому простучали уверенные мужские шаги, и ад во круг начал сгущаться.

Молодой следователь, как она поняла, сначала прогулялся по дому, а потом с полной уверенностью в своей правоте перешел к допросам. Наталье сделали укол успокаивающего, но оно подействовало не вполне, и сквозь полудрему-забытье она слышала каждое слово:

– Петр Валерьевич, скажите, как похититель попал в ваш дом?

– Не знаю... Наверное, влез в подвальное окно. – муж говорил неуверенно, запинаясь, никогда раньше у него не было такого растерянного голоса.

– Должен вас огорчить, но через это окошко смог бы пролезть разве что ребенок. Взрослый мужчина там бы не пролез.

– Не знаю тогда...

– Более того. Результаты экспертизы еще не готовы, но фо-

то уже сделаны. Через это окошко вообще никто не лазил. Ни ребенок, ни кошка. Там остались не растаявшие снежинки и круглые капли воды. При любом воздействии на них на подоконнике остались бы стертые полосы. Их нет. Более того, все снежинки попали на лицо ребенка уже после ее гибели. Они не растаяли. То есть скорее всего, ее убивали, когда окошко было закрыто. Вы уверяете, что двери дома и гаража были заперты. Следов взлома наши эксперты пока не обнаружили, на замках никаких видимых повреждений. Так как же похититель проник внутрь дома? Подумайте, это очень важно.

– Ключи были у прислуги. И у соседей.

– Пожалуйста, конкретнее. Вы же понимаете, мы должны будем всех допросить.

Муж начал перечислять имена, а Наталья снова отключилась. Очнулась она ближе к вечеру. В доме все так же было полно народу, в десятке метров от ее кушетки на мягком глубоком кресле сидел все тот же молодой следователь, но допрашивал он теперь их домработницу Анну Тимофеевну.

– Это он или она, я уверена. – Наталью затошнило от глухого женского голоса, в котором отчетливо слышалась ненависть. – У них слишком много денег, они не знали, куда их девать. И развлекались они по-странному, я б такого себе ни в жисть не позволила. Бога они не боялись, вот что!

– Давайте об их развлечениях поговорим в другой раз. – спокойный голос следователя вызвал у Натальи еще больший

ужас, чем даже злоба домработницы. – Скажите, какие у вас основания считать, что в смерти Жанны виноваты ее мать или отец?

– А вы подумайте сами. – зло ответила женщина. – Девочка одета не для спанья. Она в бальном платье, думаете, это как бы пижамка у нее? Нет, даже эти уроды до такого не дошли. Хвосты резинкой затянуты, кто ж кладет ребенка спать с резинками? И потом, ее ж принесли в подвал в одеялке, вы заметили? Оно под ней мокрое лежало. Так вот, это одеялко взято в сушилке, в гардеробной. Я его вчера постирала, и вывесила там. потому оно и мокрое. Как думаете, незнакомый мужик поперся бы за каким-то фигом в гардеробную? Она на втором этаже, между прочим. Сколько ходьбы, и еще можно родителей разбудить. Да бросьте, наверняка они сами и сходили, им-то бояться нечего.

Это неправда, хотела крикнуть Наталья, но из горла не вырывалось ни звука. В спальне для гостей было одеяло, оно исчезло, зачем кому-то понадобилось бы другое, из гардеробной? Она приподнялась на локте, судорожно глотая воздух, и привлекла внимание следователя.

– Анна Тимофеевна, мы с вами чуть позже поговорим. – торопливо сказал он, поднялся и подошел к кушетке. – Наталья Олеговна, вы уже в состоянии побеседовать со мной?

Она торопливо закивала. В голове был туман, но она хотела знать, что случилось с Жанной.

– Скажите, вы не заметили ничего странного в записке с

требованием выкупа? – мягко спросил следователь.

Она долго смотрела на него, пытаясь собрать в кучку расплывающиеся мысли. Ничего странного? Да это был удар по голове, удар неожиданный и сокрушительный, разбивающий мозг вдребезги.

– Ну, к примеру, листы, на которых были требования. Они не показались вам знакомыми?

– А... листы... они из моего ежедневника. – хрипло ответила она, сообразив, чего он хочет.

– Отлично. – похвалил следователь. – А кто имел доступ к вашему ежедневнику?

– Не знаю... – она никак не могла понять, чего от нее добиваются. – Я имела, Петя... Ну, Жанна, и прислуга тоже... Я ж его не прятала.

– Понятно. – он задумчиво кивнул. – Вы видели одеяло, которое лежало в подвале под вашей дочерью?

– Я не обратила внимания. – горло сжималось спазмом, но, видимо, вколотое лекарство еще действовало, и ей удалось не завывать. – Но думаю, это одеяло с постели в той комнате, где мы ее положили. То есть то, которым ее накрыли перед сном.

Ее собеседник задумчиво покачал головой, но настаивать не стал. Вместо этого он задал следующий вопрос:

– Скажите, вы переодевали ребенка после мероприятия?

– Я не знаю... Жанну в комнату занес муж. – с трудом припоминая события, прошептала она. – Он сказал, что пе-

реодел, но я не видела... Спросите у него.

– Спросим. – кивнул следователь. – Тогда еще вопрос. Где вы или ваш муж учились делать гаротту?

– Кого? – от изумления у нее прорезался голос.

– Ну, берете бельевую веревку, завязываете узлами на двух ручках от скакалки, получается идеальная удавка... Вы где-то видели такое?

– Не видела... Жанна... была задушена... вот этим??? Скакалкой?

– Да, можно сказать и так. – вздохнул следователь. – Я вижу, вам тяжело разговаривать, поэтому долго мучить не стану. Последний вопрос – кто знал о том, что ваш муж недавно получил премию размером в 112 тысяч долларов?

Тут она надолго зависла. Почему-то этот вопрос ни разу не пришел ей в голову с той страшной минуты, когда она прочитала требование о выкупе. Ее не поразило ни то, что требование написано на вырванных из ее блокнота листках, ни точная сумма премии, о которой, кроме нее и мужа, знало от силы человека два-три. Но... это же могло быть совпадением?

Не добившись ответа, следователь велел ей отдыхать и куда-то отошел. Она было снова впала в забытие, но скоро рядом присел человек, которого она с трудом, но узнала – это был Михаил Сумароков, адвокат по уголовным делам, которого очень ценил Петр. Она раньше здоровалась с ним, но ни разу не разговаривала наедине. но сейчас он наклонился

к ней, положил на плечо теплую ладонь и доверительно заговорил.

Всю его длинную речь она в своем сумеречном состоянии не поняла, но уловила главное – ей надо прекратить все контакты в полицией, и общаться с ними только через него, адвоката. Она никак не могла понять, почему, ведь ей не меньше, чем полиции, хотелось немедленно найти убийцу. Она чувствовала, что единственное, что могло ей дать силы жить дальше – это надежда когда-то увидеть того, кто отнял жизнь у ее девочки, и уничтожить его. Другой цели отныне у нее не было. Она постаралась донести это до адвоката, но он лишь согласно покивал – конечно, это достойная цель. Но чтобы ее добиться, надо оставаться на свободе.

Она никак не могла понять, о чем он толкует. Самое страшное с ней уже произошло. У нее отняли цель ее жизни, оправдание ее существованию. Что еще могли с ней сделать? Почему она должна была опасаться полиции? Адвокат потратил много времени, чтобы донести до ее сознания следующее:

Именно ее муж, а заодно и она, стали главными подозреваемыми по делу. Следователь убежден, что попасть в дом никто посторонний не мог. У него есть для этого некоторые основания: дом был заперт, через высокое и узкое подвальное окно никто пролезть не мог, да и открыли его, похоже, уже после убийства. Письмо с требованием выкупа было написано на листах, вырванных из блокнота самой Натальи.

Сумма, указанная в нем, точно совпадала с премией, полученной недавно Ремизовым, и об этом факте мало кто знал. Труп остался в доме, хотя похититель должен был его вынести. И самое главное – никто не позвонил, чтобы потребовать выкуп. То есть все свидетельствовало о том, что убийца находится внутри дома. Более того, он никуда не торопился. Девочку сначала чем-то оглушили, вероятно, электрошокером. Какие-то красные точки на подбородке есть, но эксперты не уверены, что они от шокера. Может быть, вырубил просто мощным ударом по голове – там травмы имеются, и тяжелые. Потом связали ей руки и заклеили скотчем рот, и лишь потом завернули в одеяло и отнесли в подвал. Возможно, травмы черепа появились от удара, когда девочку резко бросили на пол. В любом случае, ее развязали, сняли скотч и потом задушили каким-то приспособлением, сделанным из ее же скакалки. А потом преступник оставил убитую девочку в подвале и пошел наверх писать записку. Все это заняло никак не меньше четверти часа... Ни один посторонний не стал бы спокойно разгуливать по дому, зная, что в спальне на втором этаже спят хозяева.

Наталья с ужасом смотрела на адвоката. Она не могла поверить, что кто-то решит, что она могла поднять руку на свою обожаемую Жанночку.

– Но ведь не может быть преступление без мотива... – наконец прошептала она.

– Конечно, – торопливо согласился адвокат. – Какой-то

мотив должен быть.

– Но ни у меня, ни у Пети такого мотива нет и быть не может!

– Я это знаю. – проникновенно продекламировал Сума-роков. – Наташенька, поверьте, я в этом глубоко убежден!

– Но почему же тогда...

– Но следователь считает иначе. – огорченно пробормотал адвокат. – Наташенька, вы же недавно лежали в больнице, верно?

Она кивнула. Да, около двух недель она провела на обследовании. У нее внезапно открылось какое-то загадочное кровотечение, думали на внутриматочную, подозрение не подтвердилось, но в больнице ее продержали непозволительно долго. Она рвалась домой, но Петя успокаивал, говорил, что обследоваться надо полностью, она нужна ему и дочери живой и здоровой. Малышка тоже навещала ее каждый день, была веселой и даже не слишком расстраивалась, что мамочки нет дома. Но зачем сейчас об этом вспоминать?

– Да вот у полиции сложилось впечатление, что Петр... ну, как бы сказать... что он сделал дочку заменой жены на то время, пока вы были в больнице. – торопливо сказал адвокат. – Наташенька, не смотрите на меня так! Я же знаю, что это вздор, бред, чушь собачья! Я б первый плюнул бы в лицо тому, кто это выдумал. Но поймите, что следствию надо кого-то обвинить, и им плевать на правду! Ваш муж идеально подходит на роль обвиняемого, и всем пофиг, что он был

отличным отцом и обожал дочурку! Потому они придумали версию, что он... что любил дочку совсем не отцовской любовью. А когда вы вышли из больницы, девочка решила вам все рассказать, и потому Петр убил ее и инсценировал похищение. Да, это ерунда, которую нормальный рассудок не воспринимает. Но если мы все не выступим сейчас единым фронтом, они смогут убедить суд в этом бредягине!

Она смотрела на него и молча мотала головой, из глаз текли слезы. Она вспоминала, как реагировал муж на ее просьбы позвонить в банк, как отослал ее наверх и позвонил в полицию и соседям... Это все бредятина, она не должна думать об этом... Но она думала.

– И вдобавок... – адвокат наклонился еще ниже к ней. – У следователя почему-то сложилось ощущение, что вы покрываете мужа. И что именно вы написали то письмо.

Глава 6. 10 лет спустя.

Змеинный поцелуй

Я сидела в салоне и пыталась слушать очередной рассказ Доротеи про дочку. В голове мелькали разрозненные воспоминания о нашей первой встрече с Сашей, потом разборка с его любовницей, снова наши приключения... Глухой голос гадалки пробивался сквозь эти мысли, сильно нервируя, но я старательно выдавливала из себя улыбку.

– Анжелке ее мальчик наконец-то в любви признался. – с лихорадочным блеском в глазах азартно вещала тем временем Доротея. – Она, бедная, уже неделю плакала: мамочка, мы уже целовались с ним, а он все молчит. А вот вчера! Она сияет прямо. Первое признание, такого в жизни уже не будет. Самое крутое, это я и по себе знаю.

Я машинально кивала, вспоминая свой первый поцелуй с Сашей. Он был вовсе не первым поцелуем в моей жизни... но почему же я не помню других?

Доротея села на мой стол и теперь совала мне в нос телефон, где с фотки улыбался невысокий большеглазый мальчик со слегка оттопыренными ушами, как я поняла, это и была первая анжелкина любовь. Все очень трогательно, но мне так тяжело было сосредоточиться на чужих любовных историях.

– Доротея, прости, у меня голова разболелась. – наконец не выдержала я. – Давай ты мне завтра все подробности расскажешь?

– Как угодно. – кажется, она все же обиделась. Надо будет купить какой-нибудь пустячок в подарок ее Анжелке, чтобы загладить вину.

Придумать подарок мне помешала очередная клиентка – сутулая женщина средних лет, в старом пуховике, теплой вязаной шапке и высоких плотных сапогах, со здоровенным баулом за спиной Тяжело ступая, она прошествовала сначала к Синтии, потом увидела приоткрытую дверь моего кабинета, и, резко развернувшись, по-солдатки промаршировала к нам. Доротея нехотя слезла со стола и пересела на свой стул, я осталась в кресле. Синтия пошла было следом за клиенткой, но притормозила в дверях. А та без всякого торможения дошагала до моего стола и хрипло сказала:

– Мне тут обещали порчу снять, Вот, что я у себя под печкой вчера нашла! Соседка подбросила, на смерть мне ворожит!

Она сдернула со спины плотный брезентовый рюкзак, перевернула вверх ногами, мигом раздвинула тесемки и бросила на стол большую темную змею с характерным черным зигзагом. Змея, видимо, слегка замерзшая за время путешествия, вяло извивалась, изредка высывая страшный раздвоенный язычок. Я молча вскочила, отступила на два шага и с силой впечаталась спиной в стену, преградившую мне

дальнейшее отступление. Горло сжалось так, что я даже не могла завизжать. Зато Синтия сделала это за двоих. Дикий визг, с которым она вылетела в холл, наверняка был слышен во всех квартирах нашей пятиэтажки.

– Видите, что сделала, змеюка! – непонятно кого имея в виду, зло бубнила тетка. – Подбросила мне этакую страсть почти в кровать! Снимайте теперь с меня заговор на погибель!

Змея тем временем слегка отогрелась и теперь грозно шипела, высоко подняв треугольную головку. Голос ко мне никак не возвращался, воздух распирал грудь, но выдохнуть я не могла. Совсем нехорошо стало, когда я увидела, что стоящая за спиной тетки Доротея тоже вышла из комнаты. Я осталась одна со змеей и сумасшедшей теткой, и еще неизвестно, кто из них было опаснее. Мы с гадюкой смотрели друг другу прямо в глаза, та мерно раскачивалась. Кажется, я тоже начала покачиваться в такт. Сердце билось в груди с такой силой, словно собиралось проломить ребра и вырваться наружу. Ноги подгибались, и мне показалось, что я вот-вот рухну на пол, и тогда змея прыгнет сверху. Каждая секунда казалась вечностью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.